

Советское кино отмечает в эти дни знаменательный юбилей. 27 августа 1919 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет о национализации кинематографа в Советской России. Шестидесять лет наше кино помогает партии и народу строить новый мир, новую, социалистическую культуру, формировать человека коммунистического общества. Шестидесять лет оно сражается на переднем крае идеологического фронта.

27 августа в Большом театре состоится торжественное собрание, посвященное этому празднику не только советского, но и всего прогрессивного киноискусства.

ПРИ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ молодости кино, при силе и скорости его роста, сравнимого разве с ростом царевича Гвидона из «Сказки о царе Салтане», шестидесятилетний юбилей — срок, вполне достаточный для того, чтобы оглянуться назад, подвести итоги, сделать любопытные выводы и открытия.

Я надеюсь, что киноведы, теоретики и критики кино с блеском проведут эту работу. Но у меня есть перед ними некоторое преимущество: с 1925 года, то есть пятьдесят четыре года из шестидесяти, я с нашим кино был связан напрямую и непосредственно — снимал фильмы, встречался с людьми, составляющими ныне гордость советского кинематографа. Все это — тоже история советского кино, история, увиденная одним человеком, история, увиденная парой глаз. История, которая, в сущности, есть сумма судеб людей, ее создавших.

У меня сохранилась одна старая фотография тридцатых годов. На ней запечатлено несколько человек. Я позволяю себе просто перечислить их без всяких комментариев — как в Грузии, например, наиболее выдающихся людей прошлого зовут просто по имени, подразумевая, что все соотечественники прекрасно знают, кто это имя обессмертил. На фотографии, которая сейчас лежит передо мной, — Всеволод Пудовкин, Сергей Эйзенштейн, Эдуард Тиссе, Александр Довженко, Михаил Чиаурели, Юлий Райзман, Георгий Васильев, Сергей Юткевич, Амо Бек-Назаров, Михаил Ромм, Ефим Даилян. В группе на фотографии нашлось место и для меня, но об этом я упомяну лишь затем, чтобы, оттолкнувшись от этого почти метафорического группового портрета, сказать о людях, с которыми я имел счастье встречаться, беседовать, спорить и у которых я имел счастье учиться. С теми, кого время еще сохранило на нашей земле, мы дружны до сих пор...

Советский кинематограф создавали люди в основном молодые, и я думаю, что по воз-

К 60-летию советского кино

Мит. газ, 1979, 22 авг, №34

Марк ДОНСКОЙ.

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР

СУММА СУДЕБ

расту, я вполне мог оказаться в их числе еще в том самом 1919 году, когда Владимир Ильич Ленин подписал декрет о национализации кинематографа. Но я был отвлечен от кино другими заботами: учился на юридическом факультете Таврического университета в Симферополе, работал в крымском подполье, несколько месяцев провел в белогвардейской тюрьме. Позже, после того как позади остались служба в Красной Армии и работа в Верховном суде УССР, после того как впечатления, полученные от встреч с замечательными людьми крымского подполья, претворились в первую мою прозаическую книгу, сборник новелл «Заклученные», — меня властно позвало, поманило кино.

Вскоре я отправился в Москву, куда, кстати, еще раньше послал свой сценарий «Последний оплот». Он был сразу же принят, ставить его собирался сам Всеволод Мейерхольд. Постановка не была осуществлена — это часто случается в кино. Но то, что к моей первой работе отнеслись с таким вниманием, сразу окрылило меня и в какой-то степени определило всю мою дальнейшую жизнь.

Первый человек, с которым я встретился на 3-й кинофабрике, был Виктор Шкловский. Он сидел в просмотровом зале, и в перерыве между частями картины, которую показывала уже тогда знаменитый режиссер и монтажер Эсфирь Шуб, мне удалось с ним поговорить.

— Вы собираетесь работать в кинематографе? — спросил Виктор Борисович.

— Да, — восторженно ответил я.

— А как здоровье?

Этот поворот в беседе был для меня неожиданным. Но — выигранным. С детства увлекавшийся спортом — боксом, футболом, насчет здоровья я был более чем спокоен за себя. Потому и ответил:

— Это единственное, что у меня есть в изобилии.

И с нахальством юности предложил Шкловскому поуп-

ражаться в боксе. И он охотно устроил мне этот своеобразнейший и совершенно неожиданный экзамен.

— Для того чтобы работать в кинематографе, надо обладать волевым здоровьем. Слабым сюда обращаться не рекомендуется, — пояснил Шкловский, несколько утомившись боксированием...

Начал я с работы ассистентом у Григория Львовича Рошаля. Я многому научился у этого замечательного, широчайше образованного и талантливого человека, хоть и были мы почти ровесниками. Вообще в то время советское кино делали в основном новички-ровесники.

Два года спустя мне как одному из «подающих надежды» был дан шанс — разрешили снять короткометражку на полужасновечной, негодной для производства пленке. Мое первое самостоятельное и одновременно жутко экспериментальное полотно имело 250 метров длины и называлось достаточно солидно: «Жизнь». Ни больше, ни меньше.

С моим соавтором М. Авербахом мы показали материал дирекции и Шкловскому в надежде их покорить, но увы...

— Талантливо, — сказал Виктор Борисович. — Интересно. Но ни к черту не годится. Такие формалистические штучки

пример, такой — главной работой, к которой я пришел после того, как снял на «Ленфильме» три картины и вернулся в Москву, стали горьковские экранизации.

Мысли о Горьком, моем любимом писателе, никогда в сознательной жизни не оставлявшие меня, предельно сгустились и приняли форму весьма дерзкого замысла: экранизировать трилогию о его детстве, отрочестве и юности. Этим замыслом я поделился с самим Алексеем Максимовичем и на всю жизнь запомнил ответ этого великого и скромного человека:

— Нехорошо воздвигать человеку памятник при жизни!

— Алексей Максимович, — ответил я тогда, — это памятник не вам, это памятник Человеку.

Увы... Алексей Максимович не дожидаясь даже до премьеры «Детства»...

Работая над трилогией, я впервые по-настоящему осознал, что значит для режиссера, для кинематографиста прикосновение к великим литературным произведениям, какую силу способно почерпнуть из них, и в частности из советской литературы, кино. И сейчас, вспоминая экранизации моих коллег, — «Тихий Дон» С. Герасимова, «Судьбу человека» С. Бондарчука и многие, многие другие произведения, ставшие гордостью не только советского, но и мирового кинематографа, — я ощущаю в них живое биение пульса литературы.

Кинотрилогия по «Детству», «В людях» и «Моем университете» была снята мною на «Союздетфильме», которому в 1948 году было присвоено имя М. Горького. Вся моя дальнейшая судьба, вплоть до сегодняшнего дня, связана именно с ней. Здесь я встретился с замечательным советским оператором Сергеем Урусовским, здесь в моих картинах играли Вера Марецкая, Алексей Баталов и Родион Нахапетов, здесь я работал с выдающимся кинокомпозитором Исааком Шварцем...

И вот так, когда начинаешь вспоминать прошлое, вроде бы только свое собственное прошлое, вдруг понимаешь, как тесно оно переплетено с другими людьми — с теми, кто помогал тебе делать первые шаги в искусстве, с теми, кто работал с тобой бок о бок, с теми, кому пытался помочь ты.

Вы обратили внимание на то, что фотоснимки, которые делаются во время съемок или в минуты отдыха, перерыва, чаще всего получаются групповыми? В кино человек не может трудиться один. Он всегда окружен коллегами, друзьями, соратниками. Сейчас, в дни шестидесятилетнего юбилея советского кино, я это особенно остро ощущаю. Я приезжаю на студию, выстроенную на месте одной из первых советских кинофабрик, на свою студию, где трудились в свое время такие выдающиеся люди, как Яков Протазанов, Всеволод Пудовкин, Николай Экк, Дзига Вертов, Леонид Луков, Александр Роу, Василий Шукшин, на студию, рядом с которой (и это не просто топографическая случайная подробность — это глубинная внутренняя связь) стоит ВГИК — киноинститут, равных которому нет в мире, — и сама эта студия ежедневно дает мне ощущение соприкосновения с историей советского киноискусства. Когда я встречаюсь в ее павильонах и коридорах, комнатах и конференц-залах с Сергеем Герасимовым, Львом Кулиджановым, Станиславом Росточкиным, Татьяной Лизановой, Ильей Фразом, Яковом Сегелем, Ринардом Викторовым, наконец, с молодыми кинематографистами, моими новыми коллегами — с Павлом Арсеновым, Володей Грамматиковым, когда я узнаю в ребятах, оживленно обсуждающих что-то во дворе, вечерах, студентах-взрослых или выпускников-дебютантов, которым принадлежит день завтрашний и послезавтрашний, я понимаю, что сумма судеб этих людей, сумма их мыслей и чувств, сумма их побед и поражений — это и есть История Советского Кино, начало которой положено было 60 лет назад и которая продолжается и будет продолжаться, не останавливаясь ни на мгновение, как не может ни на мгновение остановиться сама жизнь...